

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ

ДОРОГАЯ
ВАЛЕРИЯ

Рассказы и повести Марии Метлицкой

Мария Метлицкая

Дорогая Валерия

«ЭКСМО»

Метлицкая М.

Дорогая Валерия / М. Метлицкая — «Эксмо», — (Рассказы и повести Марии Метлицкой)

«Все его письма начинались именно так: «Дорогая Валерия!» Ну и далее по тексту. В основном все одно и то же. Жив, здоров, пришел из рейса. Очень интересно! Мама называла его «эпистолярный маньяк». Очень точно. Доставая очередное послание из почтового ящика, Лера тяжело вздыхала и бросала письмо в сумочку, конечно, забывая прочесть. Спустя несколько дней, скорее всего, в метро, раскрыв сумочку, она видела белый уголок изрядно потрепанного конверта. И от скуки – а что еще делать в метро? – начинала читать. Небрежно просмотрев письмо, она опять тяжело вздыхала и бросала его обратно в сумку, но почему-то не выкидывала...»

Мария Метлицкая Дорогая Валерия

Все его письма начинались именно так: «Дорогая Валерия!» Ну и далее по тексту. В основном все одно и то же. Жив, здоров, пришел из рейса. Очень интересно!

Мама называла его «эпистолярный маньяк». Очень точно. Доставая очередное послание из почтового ящика, Лера тяжело вздыхала и бросала письмо в сумочку, конечно, забывая прочесть. Спустя несколько дней, скорее всего, в метро, раскрыв сумочку, она видела белый уголок изрядно потрепанного конверта. И от скуки – а что еще делать в метро? – начинала читать. Небрежно просмотрев письмо, она опять тяжело вздыхала и бросала его обратно в сумку, но почему-то не выкидывала. Сама удивлялась – странно. Очередное письмо опускалось в нижний – самый глубокий – ящик письменного стола. На конверте ровным, гладким, почти каллиграфическим почерком был старательно и четко выписан обратный адрес – надежда на ответ. Да уж, конечно! Дождетесь, пожалуй! Делать просто больше нечего. Но иногда, редко, примерно раз в три-четыре месяца, она отвечала. Конечно же, это была скорее отписка, чем ответ. Коротко, не более одной странички тетрадного, в клетку или в линейку, листа. И что самое смешное – тянулась эта нелепая история уже не первый год.

Сдав экзамены за девятый класс, в первых числах июля она, как всегда, уехала на дачу. Дачу она обожала: во-первых, полная и абсолютная свобода – бабуля не ограничивала ее ни в чем. Во-вторых, большая и обожаемая дачная компания: общее детство, общая юность, первые влюбленности и романы, робкие поцелуи, песни под гитару вечером на лавочке у мутной, узкой, медленной речки.

Все близкие и родные люди. Чужаков не принимали. А он, надо же, прибился. Да нет, понятно, почему – низким и хрипловатым голосом под гитару он пел такие любимые и знакомые им песни: Визбора, Галича, Высоцкого, Окуджаву, а потому обозначили его своим. Так он и остался.

Дима Анциферов, ее многолетняя, с самого детства, первая любовь, в то лето не приехал. Родители увезли его в Крым, в Рыбачье. Так, от нечего делать и слегка тоскуя по Диме, она в то лето благосклонно позволила этому пришельцу ухаживания.

Он жил на соседней улице у деда – странного, угрюмого старика с длинной белой бородой и корявой, из какой-то коряги, тростью в руке, которой он грозил местным хулиганам, пытающимся сорвать яблоки с его деревьев, склонивших тяжелые ветки за забор на улицу. Деда этого они в детстве боялись.

Был он не совсем дачник – жил в поселке круглый год, один, не общаясь ни с кем из соседей. В августе, в самом конце, с тоской глядел, как они спешно заколачивают окна, запирают свои дома, обирают последние ягоды с кустов, трясут уже почти пустые яблони и срезают уже подвявшие, умирающие цветы.

Но, несмотря на его отрешенность и нелюдимость, даже бабуля, далекая от сплетен и слухов, знала, что где-то на Сахалине, в маленьком городке, у этого деда живут сын и внук. Вот этот самый внук в то лето и нарисовался. Впервые.

Увлечена Лера особенно не была. Так, между прочим. Хотя целоваться ей с ним нравилось – что говорить. Пролетело такое любимое и долгожданное лето – и в конце августа он уезжал. Год предстоял нелегкий – последний класс, поступление в институт. Лера тогда уже выбрала – Ленинский педагогический, русский язык и литература. В точных науках она была, мягко говоря, слабовата.

Он рассказывал ей, что будет поступать во Владивостоке в мореходку. Владивосток он называл «Владик». Говорил, что ходить в море – мечта всей жизни. Прощались они долго – он все никак не отпускал ее. Спросил – проводишь? Она не обещала, но почему-то в последний

момент все-таки поехала в Домодедово. Впрочем, как всегда, опоздала. Они не встретились. Первое письмо от него она получила через две недели. «Дорогая Валерия» – естественно. И пошло-поехало.

В институт она поступила легко. И дальше закрутила, забурлила веселая, беззаботная жизнь. Театры, кино, музеи, кафешки. Компании – разные, случайные и свои. Своих было три – медицинская (ребята с лечфака, того, что находился рядом с их педом, на «Спортивной»), своя – институтская (их так и звали – медики и педики), и, конечно, родная, дачная. Жизнь завертела – каждый день какие-то события, встречи, даты. Она тогда была хорошенькой – глаз не оторвать. Глаза, волосы, талия – сказочная девочка. Умница-красавица. Плотной чередой, плавно переходя из одного в другой, почти без остановки и передышки – романы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.